

ОБЗОРЪ
ГЛАВНѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ
ВЪ
РОССІИ,
СЪ КОНЧИНЫ
ПЕТРА ВЕЛІКАГО
ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ВЕЙДЕМЕЙЕРА.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ,
исправленное и дополненное.

ЧАСТЬ ПІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНИХЪ ЗАВѢДЕНІЙ.

1848.

ОБЗОРЪ
ГЛАВНѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ
ВЪ
РОССІИ,
СЪ КОНЧИНЫ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ВЕЙДЕМЕЙЕРА.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ,

исправленное и дополненное.

ЧАСТЬ ПІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНИХЪ ЗАВѢДЕНІЙ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 25 Февраля 1841 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

ГЛАВА XII.

ПРАВЛЕНІЕ БИРОНА.

Объявленіе акта о Регенствѣ. Присяга младенцу Императору. Биронъ старается привлечь Сенатъ. Договоръ съ Саксонскимъ Дворомъ. Жестокости. Заговоры противъ Бирона. Ссора его съ Привецемъ Антономъ Ульрихомъ. Низверженіе Бирона.

Лишь только Императрица скончалась, отвори- 1740. ли дверь въ Ея почивальню. Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Левенвольдъ со слезами извѣстилъ присутствовавшихъ о кончинѣ Ея и пригласилъ ихъ къ Ея тѣлу. Принцессу Анну въ безпамятствѣ вынесли изъ почивальни въ другую комнату; тамъ, пришедъ въ себя, сидѣла она, обливаясь горькими слезами. Она оплакивала благодѣтельница свою, и не могла не сокрушаться, вступая подъ зависимость Правителя. Герцогъ Курляндскій рыдалъ и казался въ отчаяніи; но, спустя нѣсколько минутъ, велѣлъ прочесть предъ всѣми Актъ объ учрежденіи Регенства. Генераль-Прокуроръ, Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, взявъ помянутый Актъ и началъ его читать. Всѣ присутствовашіе окружили его. Биронъ, примѣтя, что Привецъ Брауншвейгскій стоитъ неподвижно за стуломъ своей супруги, тотчасъ спросилъ его: не желаетъ

1740. ли онъ, вмѣстѣ съ другими, выслушать послѣднюю волю Императрицы? Принцъ, не отвѣчая ни слова, подошелъ къ окружавшимъ Князя Трубецкаго и съ спокойнымъ духомъ слушалъ приговоръ свой собственный и своей супруги. По прочтеніи Акта, Биронъ пошелъ въ свои комнаты, а Принцесса Анна и супругъ ея удалились въ покои малолѣтнаго Императора и провели ночь у колыбели младенца.

Всю ночь скрывали отъ народа кончину Государыни, и повсюду усилили караулы. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, Гвардейскіе и другіе, въ Петербургѣ находившіеся, полки были выстроены подъ ружьемъ на Дворцовой площади. Въ девять часовъ съѣхались въ Лѣтній Дворецъ Сенатъ, Духовенство и многія знатныя особы. Графъ Остерманъ, съ выраженіемъ глубокой горести на лицѣ, объявилъ имъ о кончинѣ Императрицы, и приказалъ Секретарю прочесть Актъ объ учрежденіи Регентства. Послѣ чего, въ придворной церкви учинена присяга въ вѣрности младенцу-Монарху и Регенту; потомъ всѣ отправились къ сему послѣднему, для принесенія поздравленія. Биронъ говорилъ собравшимся особамъ: *«Не считаю за «нужное напоминать вамъ о сохраненіи усердія, «какое вы всегда оказывали ко благу Государства; «одно уваженіе къ юному, нѣжному возрасту «Императора будетъ достаточно для побужденія «явась къ трудамъ; что касается до меня, то «каждый часъ, каждая минута моей жизни посвя- «щена будетъ занятію Государственнымъ управле-*

«нѣмъ. Вы не можете явить лучшаго доказательства 1746. аства довѣренности вашей къ чистотѣ моихъ намѣреній, какъ обращаясь прямо ко мнѣ во всякомъ случаѣ, когда встрѣтите надобность въ новомъ законоположеніи или въ искорененіи злоупотребленій; катерликовъ никогда не буду имѣть, и двери мои всегда будутъ открыты для людей благонамѣренныхъ.» Послѣ этого привѣтствія онъ откланялся и повелѣ во внутренніе покои Фельдмаршала Графа Миниха, Графа Остермана, Князя Черкаскаго и Тайнаго Совѣтника Бестужева; тамъ благодарилъ ихъ за оказанную къ нему приверженность, увѣрялъ, что признательность свою докажетъ имъ на дѣлѣ, и просилъ о вспоможеніи ему добрыми совѣтами.

Въ то же утро перевезъ онъ малолѣтнаго Императора въ Зимній Дворецъ; изъявивъ согласіе, чтобы и Принцесса Анна съ супругомъ туда переѣхали; самъ же остался въ Лѣтнемъ Дворцѣ, намѣреваясь выѣхать изъ онаго не прежде, какъ по погребеніи тѣла Государыни. Вечеромъ навѣстилъ онъ молодого Императора и родителей его. Изъявивъ Принцессѣ свое соболѣзнованіе о чувствительной для нея потерѣ въ особѣ покойной Императрицы, онъ увѣрялъ, что сдѣлалъ распоряженія, дабы Принцесса имѣла содержаніе и штатъ, приличный высокому ея роду и званію. Она получала, съ этихъ поръ, содержаніе отъ Императорскаго Двора. Правитель опредѣлилъ, на собственныя ея расходы, по 200 тысячъ рублей серебромъ въ годъ; сынъ Фельдмаршала

1740. Графа Миниха былъ назначенъ Гофмейстеромъ къ ея Двору, въ слѣдствіе просьбы, принесенной Правителю имъ самимъ. Сей достойный уваженія и благороднѣйшій человѣкъ доказалъ поступкомъ этимъ истинную привязанность къ Принцессѣ, потому что на означенное мѣсто не было охотниковъ, отъ общаго мнѣнія, что согласіе между Принцессою и Герцогомъ продолжиться не могло. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранилъ и должность Каммергера при малолѣтвомъ Императорѣ. Биронъ посѣтилъ и Цесаревну Елисавету Петровну, и назначилъ ей 50 тысячъ рублей ежегоднаго пенсіона.

Герцогъ лично присутствовалъ каждый день въ Кабинетѣ, въ которомъ засѣдали: Графъ Остерманъ, Князь Черкасскій и, кромѣ сихъ двухъ, былъ еще назначенъ Членомъ Кабинета приверженецъ Бирона, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, для перевѣса голосу Остермана.

Биронъ старался привязать къ себѣ ласками Сенатъ, который, съ учрежденіемъ Кабинета, утратилъ много изъ прежнихъ своихъ преимуществъ. Съ такимъ намѣреніемъ онъ часто ѣзжалъ въ это Правительственное мѣсто и присутствовалъ въ немъ. Сенатъ, въ изъявленіе своей признательности, просилъ Регента принять по пяти сотъ тысячъ рублей ежегодно на содержаніе Двора его, и находя, что титулъ Свѣтлости не довольно приличествуетъ высокому его званію Правителя Россійской Имперіи, поднесъ ему титулъ Высочества. Биронъ согласился принять оный, но съ

благоразумнымъ условіемъ, чтобы и Принцъ 1740. Брауншвейгскій, какъ родитель Императора, носилъ тотъ же титулъ.

Желая ознаменовать начало своего правленія милостію и привязать къ себѣ народъ, Правитель освободилъ его отъ подушнаго оклада на 4 мѣсяца. Съ большимъ раченіемъ занялся онъ военною частію и Государственными доходами. Впрочемъ, въ продолженіе его Правленія, можетъ-быть, по причинѣ кратковременности онаго, не было никакихъ важныхъ учрежденій, ни достопримѣчательныхъ постановленій, которыя бы клонились ко благу управляемаго имъ Государства.

Въ первыхъ дняхъ Регентства получено извѣстіе о кончинѣ Римскаго Императора Карла VI, послѣдовавшей $10\frac{1}{21}$ Октября. Государь этотъ, духовнымъ завѣщаніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Прагматическаго постановленія, назначилъ наследницею всѣхъ своихъ владѣній старшую дочь свою, Марію Терезію. Завѣщаніе это, при жизни его, было принято его подданными и утверждено всѣми Европейскими Державами; но едва онъ скончался, какъ наследіе Римско-Императорскаго Престола распространило пламя войны во всей Европѣ. Короли Прусскій, Испанскій, Курфирсты Баварскій, Саксонскій, Герцогъ Савойскій и другіе Государи приняли участіе въ происшедшей по этому поводу распрѣ. Нельзя рѣшить, что предпринялъ бы Биронъ въ этихъ обстоятельствахъ, если бы долѣе остался Правителемъ; но извѣстно по тайному договору, заключенному имъ съ Сак-

1740. сонскимъ Дворомъ и сдѣлавшемуся гласнымъ послѣ его паденія, что, вопреки ручательства покойной Императрицы Анны Іоанновны, въ упомянутомъ завѣщаніи, онъ обѣщаль не противорѣчить Польскому Королю въ требованіяхъ, какія онъ самъ, въ качествѣ Курфюрста Саксонскаго, или супруга и дѣти его предъявятъ на наслѣдіе владѣній Римскаго Императора. Король же, взаимно, ручался въ сохраненіи за Герцогомъ и его наслѣдниками Герцогствъ Курляндскаго и Семигальскаго. Это былъ единственный трактатъ, заключенный Бирономъ съ иностранною Державою въ теченіе четырехнедѣльнаго его Правленія Россійскимъ Государствомъ. Будучи врагомъ Прусскаго Короля, онъ входилъ въ сношенія съ Вѣнскимъ Дворомъ, которыя не могли имѣть никакихъ послѣдствій, по причинѣ кратковременнаго его Регентства.

Биронъ зналъ, что его ненавидятъ; но, кажется, не уважалъ этой ненависти. Привыкнувъ, во время десятилѣтняго царствованія покойной Императрицы, видѣть слѣное повиновеніе его волѣ, онъ думалъ, что можетъ, по-прежнему, владѣть самовластно и съ жестокостію; но тогда Русскіе терпѣли, какъ вѣрноподанные, повинаясь законной своей Государынѣ, именемъ которой тиранъ дѣйствовалъ; теперь же они видѣли въ немъ похитителя верховной власти. Всеобщій ропотъ доходилъ до него посредствомъ множества лазутчиковъ, которымъ онъ платилъ деньгами Русскихъ; менѣе, нежели чрезъ недѣлю послѣ

принятія имъ Правленія, онъ началъ, для утвер- 1740.
жденія власти своей, употреблять насильственныя
мѣры, столь свойственныя его характеру. Не про-
ходило почти дня, чтобы, по сдѣланнымъ доно-
самъ, кто-нибудь не былъ взятъ подъ стражу,
хотя вина этихъ несчастныхъ состояла по-большой-
части въ неосторожныхъ о немъ изрѣченіяхъ. Всѣ
Петербургскія улицы были наполнены караулами
и разѣздами.

Гвардіи Капитанъ Ханыковъ и Поручикъ Арга-
маковъ изъявили въ разговорахъ неудовольствіе,
по случаю вступленія Бирона въ управленіе
Государствомъ; кому же одного изъ этихъ Офи-
церовъ видѣли у Цесаревны Елисаветы Петровны.
По приказанію Регента, они были схвачены и
подъ мучительною пыткой допрашиваемы: не имѣли
ли какихъ противъ него злоумышленій, и не было
ли у нихъ сообщниковъ? Но оказалось, что вина
ихъ состояла въ однихъ нескромныхъ словахъ,
безъ дальнѣйшихъ какихъ-либо дѣйствій. Подоб-
ную участь испыталъ одинъ Кабинетъ-Секретарь,
который у Цесаревны Елисаветы Петровны и
Принцессы Анны дѣлалъ замѣчанія на несправед-
ливость Акта о Регентствѣ. Всѣ эти жестокости
увеличивали общую ненависть къ Бирону, и вос-
пламеняли мщеніемъ сердца многочисленныхъ
враговъ его.

Наконецъ узналъ онъ о большомъ заговорѣ,
главною пружиною котораго былъ Сенаторъ и
Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Миха-
илъ Гавриловичъ Головкинъ, сынъ Государствен-

1740. нато Канцлера, вельможа добродѣтельный и истинно-любившій свое отечество: Супруга его, Графиня Екатерина Ивановна, преисполненная добрыхъ качествъ, была дочь Князя Ивана Ѳеодоровича Рѣмодавскаго, принята въ супружествѣ Натальи Ѳеодоровны Салтыковой, родную сестру Царицы Параскеви Ѳеодоровны, и слѣдовательно была двоюродною сестрою Императрицъ Анны Иоанновны и теткою Принцессы Анны. Въ первые годы царствованія покойной Государыни, Графъ Головкинъ пользовался при Дворѣ большимъ уваженіемъ, но потомъ милость Монархини къ нему весьма уменьшилась; причиною этому было безпристрастное сужденіе его о поступкахъ Бирона. Будучи врагомъ Герцога, онъ намѣревался низвергнуть его, но едва самъ не сдѣлался жертвою своего намѣренія. Свойственное Русскому вельможѣ гостепріимство, особенно ласковое его обхожденіе и общее къ нему уваженіе, привлекали въ домъ Графа Головкина множество посѣтителей, большая часть которыхъ состояла изъ недовольныхъ отставныхъ Офицеровъ, находившихъ себѣ въ домѣ его убѣжище и отраду. Однажды, во время разговоровъ, онъ спросилъ у нихъ: о чемъ слышно въ городѣ? Они отвѣчали, что все вообще недовольны возвышеніемъ Бирона и сожалеютъ объ участи Принцессы Анны; что они знаютъ многихъ Гвардейскихъ Офицеровъ, готовыхъ на все для отмщенія за оскорбленія, нанесенныя родительницею Императора; что Офицеры эти, равно какъ и друшіе благонамѣренныя соотечественники

ихъ, желали бы ей доставить правленіе Государства 1740. ствомъ, но колеблются приступить къ этому важному дѣлу, не имѣя руководителя. Графъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, въ настоящемъ случаѣ всего лучше поступить, какъ было въ 1730 году: при возстановленіи Самодержавія, то есть, чтобы всѣ благомыслящіе люди собрались въ назначенный день въ извѣстномъ домѣ и, отправясь въ-дѣлымъ обществомъ къ Принцессѣ, просили ее забавить Россію отъ неизвѣстнаго всѣмъ Регента и принять на себя управленіе Государствомъ на время малолѣтства Императора. Присутствовавшіе, одобрявъ предполагаемый способъ, просили Графа быть главою ихъ въ этомъ предпріятіи; но слабое его здоровье воспрепятствовало ему принять личное въ этомъ дѣлѣ участіе. Не обдумавъ онаго съ должною осторожностію, Графъ совѣтовалъ имъ обратиться къ Князю Черкасскому, полагая, что Министръ этотъ охотно согласится на просьбу ихъ, подобно тому, какъ онъ поступилъ при поднесеніи Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ прошенія объ уничтоженіи Аристократическаго правленія. Онъ взялъ съ нихъ обѣщаніе — не упоминать о участіи его въ этомъ предпріятіи, и просилъ ихъ, безъ всякаго отлагательства, на другой же день, со всѣми другими недовольными, явиться къ Князю Черкасскому. Въ слѣдствіе чего, они собрались на другой день съ сообщниками своими къ Князю, объяснили причину своего прибытія и, напомнивъ о прежнемъ достохвальномъ его подвигѣ для блага Отечества, убѣждали его отправиться

съ ними къ Принцессѣ и представить ей о желаніи народа. Князь Черкасскій терпѣливо ихъ выслушалъ, съ притворнымъ видомъ одобрилъ ихъ намѣреніе, но подъ предлогомъ исправленія необходимости дѣлъ, просилъ притти на другой день. Лишь только они вышли, то, опасаясь пагубнѣйшихъ для себя послѣдствій, въ случаѣ неудачи этого заговора, онъ посѣпшилъ отправиться для извѣщенія объ ономъ Герцога. Удивительна небосторожность Графа Головкина, который, не увѣрившись въ Князь Черкасскомъ и не извѣдавъ прежде его образа мыслей, сдѣлалъ несчастными столь многихъ людей, побудивъ ихъ къ такому важному и рѣшительному поступку! Черезъ два часа всѣ приходившіе къ Князю Черкасскому были захвачены, преданы пыткѣ и допрашиваемы о прочихъ своихъ сообщникахъ. Несчастные объявили о нѣкоторыхъ; но, невозможая всѣ истязанія, ни одинъ изъ нихъ не назвалъ Графа Головкина. Въ числѣ сихъ жертвъ находился Грамматикъ, Правитель Канцеляріи Принца Брауншвейгскаго; во время пытки, онъ не только признался, что зналъ объ этомъ заговорѣ, но открылъ другой еще важнѣйшій, къ составленію котораго онъ былъ употребленъ съ согласія Принца. Заговоръ состоялъ въ томъ, чтобы, уговоривъ Офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, котораго Принцъ Брауншвейгскій былъ Подполковникомъ, и склонивъ весь полкъ, итти во Дворецъ и захватить Бирона со всѣми его приверженцами. Грамматикъ имѣлъ время открыться только одному

Капитану этого полка, Князю Путятину, который 1740. общалъ привлечь другихъ. Офицеровъ. Путятинъ признался подъ пыткой во всемъ и назвалъ тѣхъ, которыхъ успѣлъ уговорить, а именно: двухъ Капитановъ и одного Поручика помянутого полка.

Такимъ образомъ Герцогъ, имѣлъ явные доказательства общей къ нему ненависти; совѣщантѣмъ онъ не оставлялъ употреблять жестокия мѣры, полагаясь особенно на вѣрность Гвардейскихъ полковъ, Измайловскаго и Коннаго; первымъ командовалъ братъ его Густавъ, а вторымъ сынъ его, Принцъ Петръ.

Биронъ, жалая показать предъ всѣми Принцу Брауншвейгскому, сколь мало его опасается, позвалъ его къ себѣ, выговаривалъ ему съ ентѣвомъ, въ присутствіи многочисленнаго собранія, за покушеніе, открытое Граммативышъ; называлъ его неблагодарнымъ, кровожаднымъ, и говорилъ, что еслибъ онъ былъ Правителемъ, то сдѣлалъ бы несчастными и сына своего и Государство. Когда при послѣднихъ словахъ Принцъ безъ намѣренія положилъ лѣвую руку на ефесъ шпаги, Герцогъ, принявъ это за угрозу, ударилъ по своей, и съ жаромъ закричалъ, что онъ готовъ и этимъ способомъ съ нимъ раздѣлаться. Наконецъ, послѣ многихъ дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій, на которыя Принцъ возражалъ только, что онъ не обязанъ отвѣтствовать за разговоры и поступки Секретаря своего, они разстались съ большимъ противъ прежняго негодованіемъ и ожесточеніемъ.

1740. На другой день Герцога поручилъ Барону Миниху, брату Фельдмаршала, съѣздить къ Принцу и объяснить съ нимъ, что если онъ желаетъ пользоваться довѣріемъ къ нему Правительства на будущее время, то отказался бы тотчасъ отъ всѣхъ своихъ должностей. Принцъ долженъ былъ уступить силѣ, и послалъ объявить Регенту, что онъ соглашается на его требованіе. Обращенный Биронъ немедленно приказалъ объявить объ этомъ по Гвардіи и Арміи. Онъ не удовольствовался этимъ, и имѣлъ дерзость послать сказать Принцу, что не совѣтуетъ ему выѣзжать нѣсколько дней изъ Дворца, потому что народъ, раздраженный тѣмъ, что множество людей заключено въ темницы и предано истязаніямъ, можетъ сдѣлать ему оскорбленіе. Этотъ поступокъ противъ самого родителя Императора доказываетъ, сколь мало уважалъ Биронъ всеобщимъ мнѣніемъ. Онъ дѣлалъ, какія только могъ, непріятности Принцу, въ которомъ всѣ принимали живѣйшее участіе. Боялись даже, чтобы онъ, по злобѣ своей, не приказалъ отправить Принца и его супругу въ Германію, или отвезть въ какую-нибудь отдаленную область Россіи. Не смотря на то, что Императрица Анна, въ духовной своей завѣщала, чтобы Регентъ оказывалъ должное уваженіе Членамъ Императорской Фамиліи, онъ поступалъ совсѣмъ противнымъ образомъ. Графъ Минихъ пишетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Принцесса дрожала, когда Биронъ приходилъ къ ней.

8 Ноября, предъ полуднемъ, Графъ Минихъ, 1740. по обыкновенію, пріѣхалъ къ Принцессѣ. Нашедъ ее одну, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы съ жаромъ изобразить ей бѣдственное положеніе Россіи подъ игомъ жестокаго Бирона, и представить опасность, собственно ей угрожающую, если Правленіе останется еще въ рукахъ неукротимаго ея врага: Принцесса, съ своей стороны, жаловалась ему на непріятное свое положеніе; Минихъ вызвался предать въ ея власть Бирона низверженнымъ. Принцесса съ радостію приняла это предложеніе; Минихъ просилъ ее дозволить приступить, безъ малѣйшаго отлагательства, къ исполненію онаго; а чтобы заставить Гвардейскихъ солдатъ принять въ немъ участіе, убѣждалъ Принцессу лично присутствовать при совершеніи этого предпріятія. Положили, чтобы Графъ Минихъ, въ наступающую ночь, прибылъ въ Зимній Дворецъ и взялъ отъ караула онаго нужное число солдатъ. Принцесса дала ему обѣщаніе никому не открывать этой тайны, не исключая и своего супруга; послѣ этого Фельдмаршалъ поѣхалъ прямо къ Бирону и остался у него обѣдать. Возвратясь домой, онъ нетерпѣливо ждалъ приближенія ночи. Въ тотъ же вечеръ молодая Графиня Минихъ (*), невѣстка Фельдмаршала, не имѣя ни малѣйшаго свѣдѣнія о намѣреніи тестя своего, пріѣзжала къ Герцогинѣ, провела у ней

(*) Урожденная Менгденъ.

1740. вечеръ, ужинала вмѣстѣ съ Регентомъ и почти до полуночи пробыла съ ними. Прощаясь съ Графиней, Биронъ поручилъ ей сказать Фельдмаршалу, что послѣ погребенія тѣла Императрицы, онъ получитъ такой подарокъ, что будетъ въ состояніи заплатить всѣ свои долги.

Въ два часа пополудни, Фельдмаршалъ, въ сопровожденіи одного своего Адъютанта, Подполковника Манштейна, поѣхалъ во Дворецъ, и чрезъ нарочно оставленныя незапертыя ворота вошелъ въ покои Фрейлины Баронессы Іуліаны Менгенъ, родной сестры молодой Графини Минихъ. Фрейлина Менгенъ, получивъ предварительное приказаніе, въ ту же минуту пошла разбудить Принцессу, которая не замедлила выйти. Графъ представилъ ей, что настала часъ рѣшить судьбу Бирона, и вновь просилъ, дабы она личнымъ своимъ присутствіемъ поддержала ихъ предпріятіе; но, не успѣвъ къ этому склонить ее, просилъ позволенія представить ей караульныхъ Офицеровъ, дабы она объявила имъ волю свою и тѣмъ побудила бы ихъ къ усердному исполненію оной. На послѣднее Принцесса согласилась, и когда Офицеры вошли, она сказала имъ: *«Вамъ извѣстны оскорбленія, нанесенныя Государю вашему, мнѣ и моему супругу; наглость Правительства ежедневно возрастаетъ; терпѣніе мое истощилось, и я рѣшилась наказать властолюбца. Твердо надѣюсь, что вы, господа, руководимые одною честію, не откажетесь оказать Императору и родителямъ его важнѣйшей услуги: взять подъ стражу Бирона,*

«котораго насиліе и жестокость терзають кесча— 1740. «стное наше Отечество. И такъ прошу васъ слы- «довать за Фельдмаршалою и съ ревностію ис- «полнить все ея приказанія. Вѣрность и усердіе «ваше получаютъ достойное награжденіе.» Произне- ся это, Принцесса обняла Фельдмаршала, и до- пустила къ рукѣмъ Офицеровъ, пожелавъ имъ сча- стливаго успѣха. Графъ Минихъ, сошедъ въ ка- раульню, объявилъ о повелѣніи Принцессы, и весь карауль единогласно отвѣчалъ, что онъ го- товъ пожертвовать жизнію для низверженія Би- рона. Фельдмаршалъ приказалъ караулу зарядить ружья, и, взявъ отъ онаго трехъ Офицеровъ и 80 гренадеръ, отправился съ ними въ Лѣтній Дворецъ, гдѣ жилъ Биронъ и гдѣ еще находи- лось тѣло покойной Императрицы, выставленное на парадной кровати.

Въ это время Принцесса, въ величайшемъ сму- щеніи ожидая окончанія предпринятаго Фельд- маршалою дѣла, вышла съ Фрейлиною Менгденъ въ переднюю малолѣтнаго Императора, и сѣла на постель спавшаго тутъ дежурнаго Каммергера Ми- ниха, сына Фельдмаршала; онъ пробудился, и въ испугѣ, дрожащимъ голосомъ, спросилъ ее, что было причиною такого посѣщенія? *«Знаешь ли, «любезный Минихъ, отвѣчала она ему, что пред- «принялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать «Регента; дай Богъ, присовокупила она, чтобы «онъ имѣлъ успѣхъ!»* Каммергеръ Минихъ старал- ся ее успокоить; послѣ-чего она съ Фрейлиною Менгденъ пошла въ спальню Императора; вскорѣ

1740. потомъ пришелъ и Принцъ, котораго тутъ только супруга его уведомила обо всемъ происходившемъ.

Между-тѣмъ Фельдмаршалъ шелъ къ Лѣтнему Дворцу; караулъ въ немъ состоялъ изъ 300 человекъ; если бы они были преданы Регенту, то, безъ сомнѣнiя, противопоставили бы непреодолимое препятствiе этому предпрiятiю. Фельдмаршалъ, по благоразумней осторожности, назначилъ къ исполненiю онаго такой день, въ который караулъ при обомъ Дворцахъ занятъ былъ Преображенскимъ полкомъ, состоявшимъ подъ личнымъ его начальствомъ. Въ разстоянiи почти 200 шаговъ отъ Лѣтняго Дворца, Фельдмаршалъ послалъ впередъ одного Офицера съ приказанiемъ караульному Капитану, немедленно явиться къ нему съ двумя Офицерами, что они тотчасъ и исполнили. Минихъ, съ свойственною ему твердостью и благоразумiемъ, объявилъ имъ о прiчинѣ своего прихода и о повелѣнiи Принцессы арестовать Бироца; приказалъ, чтобы соблюдали глубочайшую тишину, чтобы караулъ неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ, и ни одинъ часовой не удалялся отъ поста своего. Офицеры, уже привыкшие повиноваться гласу своего Полководца, обѣщали исполнить все въ точности, и немедленно отдали согласный съ тѣмъ приказъ своимъ подчиненнымъ. Послѣ этого, Графъ Минихъ, подошедъ къ самому въѣзду во Дворецъ, отрядилъ Манштейна съ однимъ Офицеромъ и 20 рядовыми, чтобы схватить Герцога живаго или мертва-

го. Манштейнъ, войдя во Дворецъ, приказалъ 1740. своему отряду слѣдовать за нимъ издалека, безъ малѣйшаго шума; всѣ часовые, по данному имъ приказанію, пропустили его безъ всякаго сопротивленія. Пройдя нѣсколько комнатъ, онъ былъ въ недоумѣніи, куда итти, потому что не зналъ, гдѣ находилась спальня Регента, ~~и хотѣлъ~~ у служителей, находившихся въ перемѣнѣ, хотѣлъ, чтобы не произвести тревоги. Подумавъ нѣсколько, онъ рѣшился итти впередъ, надѣясь достигнуть своей цѣли. Дѣйствительно, пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверью, замкнутою ключемъ; но, по неосторожности служителей, она не была заперта задвижками, находившимися сверху и снизу, такъ что при небольшомъ усиліи Манштейна обѣ половинки дверей растворились. Увидѣвъ большую постель, на которой Герцогъ и его супруга спали крѣпкимъ сномъ, Манштейнъ подошелъ къ кровати, отдернулъ занавѣсъ, и сказалъ громко, что имѣеть нужду говорить съ Регентомъ; тогда онъ и Герцогиня вскочили, и начали кричать изо всей силы, догадываясь о причинѣ его прихода. Манштейнъ, находясь съ той стороны кровати, гдѣ спала Герцогиня, и видя, что супругъ ея соскочилъ на полъ, вѣроятно для того, чтобы спрятаться подъ кровать, для воспрепятствованія этому, бросился къ нему, схватилъ его и крѣпко держалъ, пока прибыли солдаты. Наконецъ Герцогъ успѣлъ встать и хотѣлъ вырваться изъ рукъ солдатъ, отбиваясь во всѣ стороны. Но они на-

1740. несли ему нѣсколько сильныхъ ударовъ ружейными прикладами, повалили его, заткнули ему платкомъ ротъ, шарфомъ одного офицера связали руки и, сведя внизъ, накинули на него солдатскій плащъ; потомъ посадили въ карету Фельдмаршала, которая его ожидала, и въ сопровожденіи офицера отправили въ зимній дворецъ. Въ это время Герцогиня безъ всякой одежды выбѣжала за своимъ мужемъ изъ Дворца на улицу, гдѣ одинъ солдатъ схватилъ ее за руку и, притащивъ къ Манштейну, спросилъ, что съ нею дѣлать? Манштейнъ приказалъ отвести ее назадъ, во Дворецъ; но солдатъ не захотѣлъ принять на себя этого труда и, бросивъ ее въ снѣгъ, ушелъ. Караульный Капитанъ нашелъ ее въ этомъ жалкомъ положеніи; поднявъ ее, приказалъ одѣть и отвести обратно въ комнаты, гдѣ приставили къ ней часовыхъ. По исполненіи этого, Фельдмаршалъ поспѣшно поѣхалъ къ Принцессѣ съ донесеніемъ о счастливомъ совершеніи предпріятія, возя съ собою изверженнаго съ высоты величія Бирона. Принцесса, находившаяся дотолѣ въ чрезвычайномъ безпокойствѣ и страхѣ, съ неописанною радостію встрѣтила своего избавителя.

Когда Герцогъ былъ отведенъ въ безопасное мѣсто, Манштейна послали за меньшимъ его братомъ, Густавомъ Бировомъ, находившимся тогда въ Петербургѣ. Это порученіе представляло не менѣе затрудненія и требовало большой осторожности, потому что Густавъ Биронъ, Подполковникъ Измайловскаго полка, былъ очень любимъ

онимъ, и у его дома находился караулъ, состо- 1740.
явшій изъ одного сержанта и 12 рядовыхъ. Они
оказали сперва сопротивленіе; но ихъ схватили
и грозили имъ смертію, если они сдѣлаютъ ма-
лѣйшій шумъ. Тогда Манштейнъ вошелъ въ спаль-
ню Густава Бирона, и сказавъ ему, что онъ дол-
женъ переговорить съ нимъ о весьма важномъ
дѣлѣ, просилъ его встать, потомъ отвелъ его къ
окну и объявилъ, что имѣетъ приказаніе его аре-
стовать. Биронъ хотѣлъ-было отворить окно и по-
звать караулъ; но Манштейнъ сказалъ ему, что
Герцогъ уже арестованъ и что, при малѣйшемъ
сопротивленіи, онъ будетъ убитъ. Стоявшіе въ
другой комнатѣ солдаты Манштейна вошли, и
Густавъ Биронъ увидѣлъ, что ему не оставалось
ничего болѣе, какъ повиноваться. Его также
отвезли во Дворецъ.

Въ это время другой Адъютантъ Фельдмарша-
ла, Капитанъ Кенигфельсъ, былъ посланъ арес-
товать Кабинетъ-Министра Графа Бестужева, обви-
няемаго въ чрезмѣрной привязанности къ Герцогу.
Послѣдній былъ посаженъ въ Офицерскую ком-
нату на гауптвахтѣ, а Густавъ Биронъ въ дру-
гую комнату, гдѣ они и провели часть дня.

ГЛАВА XIII.

ПРАВЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ.

Присяга Правительницы. Милости. Союзъ съ Пруссією. Союзъ съ Австрією. Увольненіе Фельдмаршала Миниха отъ службы. Судъ Бирова. Его письмо къ Правительницѣ.

1740. Передъ разсвѣтомъ дня, 9 Ноября, непроходимыя толпы народа окружали Зимній Дворецъ; радость была всеобщемою; казалось, едва вѣрили столь счастливому событію. Принцесса Анна, принявъ титулъ Великой Княгини, въ качествѣ Правительницы, при пушечной пальбѣ принимала въ Придворной церкви присягу отъ всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ. Полкамъ приказано было собраться около Дворца, на площади котораго они и присягали. Младенецъ Императоръ былъ имъ показанъ въ окно. Съ шумнымъ восторгомъ народъ спѣшилъ въ церкви, отъ чистаго сердца цѣловалъ крестъ и торжественно клялся быть вѣрнымъ Правительницѣ. Во всѣхъ областяхъ Россійскаго Государства и ко всѣмъ иностраннымъ Дворамъ посланы были нарочные гонцы съ этимъ извѣстіемъ.

Около вечера, сверженный Регентъ со своимъ семействомъ подъ крѣпкою стражею отвезенъ въ Шлессельбургскую крѣпость; Великая Княгиня, видѣвшая изъ окна, какъ его вывозили, не могла удержаться отъ слезъ, и сказала: *«Не такъ бы я поступила съ нимъ, если бы онъ самъ меня къ тому не принудилъ.»*

Въ его комнатахъ найдено множество драгоценныхъ вещей и большія суммы наличными деньгами. Для вытребованія значительныхъ капиталовъ, положенныхъ имъ въ иностранныя Банки, были приняты надлежащія мѣры; всѣ найденныя у него бумаги отданы были на разсмотрѣнiе назначенной для этого Коммиссiи. Въ тотъ же день посланы повелѣнiя арестовать Генераловъ Бисмарка и Карла Бирона. Первый былъ женатъ на сестрѣ супруги Герцога, и занималъ должность Вице-Губернатора въ Ригѣ, а послѣднiй, родной братъ Герцога, былъ Начальникомъ войскъ въ Москвѣ.

На другой день по низверженiи Бирона, Графъ Миппихъ, призвавъ къ себѣ, рано по-утру, сына своего и Барона Менгдена, спрашивалъ ихъ мнѣнiй: кого слѣдуетъ, по достоинству, и чѣмъ именно награждать; потомъ приказалъ сыну своему взять перо и писать, со словъ его, проектъ наградамъ, въ которомъ положено было, во-первыхъ, просить Правительницу, чтобы она благоволила возложить на себя орденъ Св. Андрея; второе предложенiе состояло въ томъ, чтобы, во уваженiе важныхъ заслугъ, оказанныхъ Фельд-

1740. маршаломъ Минихомъ, пожаловать его Генерал-лиссимусомъ. Тутъ молодой Графъ, болѣе умѣренный и благоразумный, нежели отецъ его, возразилъ, что, можетъ-быть, Принцесса хочетъ возвести на эту высокую степенъ супруга своего. Итакъ, чтобы не подвергнуться отказу, положено было просить для Фельдмаршала Миниха званіе перваго Министра, на что послѣдній былъ согласенъ, но замѣтилъ, какъ трудно будетъ преклонить Графа Остермана продолжать службу подъ начальствомъ перваго Министра; однако же, вспомянувъ, что Графъ Остерманъ, при составленіи, въ 1732 году, новаго положенія о флотѣ, изъявлялъ желаніе быть Великимъ Адмираломъ, положили представить его къ этому званію. Въ Вице-Канцлеры волагали назначить Графа Михаила Гавриловича Головкина, имѣя въ виду, чтобы нѣкоторыя главнѣйшія должности Государственныя поручены были природнымъ Россіянамъ. Мѣсто Великаго Канцлера, съ давняго времени праздное, хотѣли предоставить Князю Черкасскому; хотя, впрочемъ, послѣдній поступокъ его и не заслуживалъ бы награды, но это скорѣе старались приписать малодушію, чѣмъ привязанности къ Бирону, почему и согласились склонить Правительницу, чтобы она его простила, представивъ ей, что милостями и благороднымъ забвеніемъ всего прошедшаго можетъ она наиболѣе утвердить къ себѣ любовь народную. Когда роспись эта, къ которой были присоединены еще повышенія чинами и пожалованія орденами, была

окончена, тогда Фельдмаршалъ велѣлъ перенести 1740. ее; но, сѣдаемый непомѣрнымъ честолюбіемъ, прибавилъ къ статѣ, до него относившейся, что «достоинство Генералиссимуса предоставляетъ онъ Принцу Брауншвейгскому.»

Росписаніе это было утверждено Великою Княгинею. Въ тотъ же день она, уже въ Лентѣ Св. Андрея Первозваннаго, около 11-ти часовъ утра; вошла въ приемную залу и допустила всѣхъ къ рукѣ. Тутъ, именемъ Императора, читали о наградахъ, вышедшихъ по вышепомянутой росписи, въ которой, сверхъ-того, еще заключались слѣдующія милости: Графу Остерману, при новой его должности, оставлено Министерство Иностранныхъ дѣлъ; Графу Михаилу Гавриловичу Головкину, пожалованному въ Вице-Канцлеры, повелѣно присутствовать въ Тайномъ Кабинетѣ; Генераль-Аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, Оберъ-Шталмейстеръ Князь Александръ Борисовичъ Курякинъ и Адмиралъ Графъ Николай Федоровичъ Головинъ пожалованы Кавалерами ордена Св. Андрея; Тайный Совѣтникъ и Московскій Гражданскій Губернаторъ, Князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, Сенаторъ Василій Васильевичъ Стрѣшневъ (зять Графа Остермана) и Коммерцъ-Коллегіи Президентъ Баронъ Менгденъ орденами Св. Александра Невскаго. Послѣ объявленія этихъ милостей, Правительница возвратилась во внутреннія комнаты, гдѣ вручила Графу Миниху указъ о пожалованіи ему ста тысячъ рублей. Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Левенвольдъ получилъ 80,000,

1740. а Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Баронъ Минихъ, братъ Фельдмаршала, 20,000 рублей; молодой Графъ Минихъ пожалованъ Оберъ-Гофмаршаломъ; а Гофмаршалу Шепелеву и Генералъ-Маіору Апраксину, прославившемуся впоследствии, въ семилѣтнюю войну, пожалованы богатая деревня.

Вся Россія ощутила благотворную перемену въ Правленіи, по низверженіи Бирона. Всѣ благословляли сострадательную и милосердную Правительницу. Однимъ изъ первыхъ ея дѣйствій было освобожденіе или облегченіе участи несчастныхъ, пострадавшихъ отъ Бирона, какъ въ его Правленіе, такъ и въ царствованіе Анны Іоанновны. Разсматривая ежедневно дѣла о ссылочныхъ, она отменила почти всѣ учиненные надъ ними приговоры. Число этихъ несчастныхъ простиралось до вѣсколькихъ тысячъ человекъ. Всѣ находившіеся подъ допросами въ Петербургѣ были тотчасъ освобождены, въ знакъ прощенія прикрыты знаменемъ, а многіе, за безвинно претерпѣнныя гоненія, были повышены чинами, или получили какія-нибудь другія награды.

Съ кончиною Анны Іоанновны, политическая система Россійскаго Двора измѣнилась. Мы видѣли, что Биронъ, ставшійся Регентомъ, заключилъ договоръ съ Саксонскимъ Курфирстомъ, по которому обязывался не препятствовать послѣднему въ требованіяхъ его на наследіе Карла VI. Король Прусскій, узнавъ объ этомъ договорѣ, и желая съ своей стороны, склонить Россію, чтобы она

не противилась притязаніямъ его на владѣнія ^{1740.} Маріи Терезіи, приказалъ своему въ Петербургѣ Министру начать объ этомъ переговоры; но едва Посланникъ приступилъ къ онымъ, какъ послѣдовало паденіе Бирона. Должно было надѣяться, что Русскій Дворъ, по близкому родству Супруга Великой Княгини съ Римскою Императрицею, не будетъ равнодушно взирать на умышляемыя противъ Маріи Терезіи несправедливости. Для того то Прусскій Дворъ, подъ предлогомъ желанія свискать дружбу царствовавшаго въ Россіи Дома, но единственно съ намѣреніемъ усыпить дѣятельность его, предложилъ оному заключеніе оборонительнаго союза. Присланный для того, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, отъ Прусскаго Короля Баронъ Мердефельдтъ, имѣлъ въ то же время приказаніе, всячески стараться поставить перваго Министра противъ Вѣнскаго Двора, и расположить въ пользу Берлинскаго. Мердефельдтъ, въ слѣдствіе сдѣланнаго ему порученія, открылъ тотчасъ переговоры. Фельдмаршалъ Минихъ, страдавшій въ то время болѣзнію продолжительною и опасною, не могъ принять никакого участія въ дѣлахъ. Графъ Остерманъ, воспользовавшись болѣзнію его, и будучи съ давняго времени ревностнымъ приверженцемъ Бранденбургскаго дома, представилъ этотъ союзъ столь выгоднымъ для Россіи, что легко успѣлъ согласить на оный Правительницу. Графъ Минихъ, по выздоровленіи своемъ, былъ, по приказанію Великой Княгини, возвѣщенъ объ этомъ договорѣ, и на сдѣланный ему вопросъ, какого онъ былъ

Часть III. 2

1740. о немъ мнѣнія, отвѣчалъ, что подобный союзъ съ Державою, столь могущественною, считаетъ онъ тѣмъ болѣе полезнымъ, что Швеція грозитъ войною Россіи; но такъ какъ послѣдняя приняла на себя ручательство по Прагматическому постановленію, и ей неизвѣстны намѣренія Императрицы-Королевы противъ враговъ ея, то осторожность требуетъ выждать послѣдствій и до времени воздержаться отъ заключенія новаго договора; между тѣмъ, вѣроятно, со стороны Вѣнскаго Двора послѣдуютъ какія-нибудь предложенія. Не взирая однакоже на это основательное возраженіе, и забывая, что истинныя намѣренія Прусскаго Двора еще не обнаружилась, Правительница настояла ^{на} заключеніи предложеннаго договора, главное содержаніе котораго заключалось въ томъ, что обѣ Державы взаимно ручались за сохраненіе Европейскихъ своихъ владѣній и обязывались, въ случаѣ нападенія на которую-либо изъ нихъ, вспомоществовать одна другой 12-ти-тысячнымъ корпусомъ войскъ.

Послѣ этого Петербургскій Дворъ пребывалъ въ совершенномъ спокойствіи, какъ вдругъ получено было извѣстіе о вторженіи Прусскаго Короля Фридриха II въ Силезію. Событіе это поставило въ большое затрудненіе Россійское Мѣнистерство, потому что полагали на вѣрное, что Вѣнскій Дворъ будетъ требовать вспомошествованія; кому же не знали, какъ поступить съ Королемъ Прусскимъ, съ которымъ только-что былъ заключенъ союзъ; сохраненіе мира съ нимъ было необходимо, при

предстоящемъ разрывѣ съ Швеціею; итакъ приз- 1741. нано залучшее отнестись къ Фридриху письменно, просить его примириться съ Императрицею-Королевою, и предложить для этого посредничество Россіи. Графъ Остерманъ написалъ подобнаго содержанія письмо къ Королю Прусскому, который отвѣчалъ, что если Королева Венгерская добровольно уступитъ ему въкоторыя области въ Силезіи, на обладаніе которыми полагаетъ онъ имѣть неоспоримое право, то онъ готовъ заключить съ нею союзъ, по которому обяжется подкрѣплять и защищать ее всѣми силами противъ непріятелей ея. Но Вѣнскій Дворъ, сильно надѣясь на доброе расположеніе Кардинала Флери, объявилъ въ С. Петербургѣ чрезъ своего Посланника, что Императрица-Королева скорѣе будетъ искать дружбы Версальскаго Двора, чѣмъ уступить Прусскому Королю хоть одинъ шагъ земли изъ наслѣдственныхъ своихъ владѣній.

Около этого времени прибылъ въ Петербургъ, въ качествѣ Австрійскаго Посланника, Маркизъ де Ботта, человекъ весьма умный и ловкій. Онъ былъ и прежде въ этомъ же званіи при Русскомъ Дворѣ, и умѣлъ дотога свискать тогда благоволеніе Принцессы Анны, что она, принявъ правленіе Государствомъ, объявила Вѣнскому Двору желаніе свое вновь видѣть Маркиза де Ботту Министромъ въ Петербургѣ, и въ то же время повелѣла Оберъ-Гофмейстеру Графу Миниху письменно удостовѣрить Маркиза въ милостивомъ своемъ къ нему расположеніи.

1741. Марія Терезія, пылая мщеніемъ къ Фридриху II, предположила заключить новый союзъ съ Россійскимъ и Саксонскимъ Дворами. Графъ Брюль, первый Саксонскій Министръ, согласясь съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, сдѣлалъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ, предложеніе С. Петербургскому Двору обратить соединенныя силы трехъ Державъ противъ Прускаго Короля и раздѣлить между собою всѣ земли, которыя будутъ завоеваны въ его Королевствѣ.

Между-тѣмъ, по полученіи извѣстія о нападеніи Фридриха на Силезію, Маркизь де Ботта настоятельно просилъ помощи у Россіи. Ему отвѣчали, что хотя Россійскій Дворъ искренно расположенъ поддерживать Прагматическое постановленіе, но, угрожаемый со стороны Швеціи нападеніемъ, долженъ съ большею осторожностію раздѣлять свои силы; что до-тѣхъ-поръ, пока Марія Терезія будетъ имѣть своимъ непріателемъ одного Короля Прускаго, то можетъ безъ посторонней помощи противостоять ему; и наконецъ повторено предложеніе Фридриха, что пожертвованіемъ ему нѣкоторыхъ земель въ Силезіи она совершенно съ нимъ примирится. Но Маркизь де Ботта не переставалъ требовать скорѣйшаго вспомошествованія Вѣнскому Двору, который употреблялъ къ тому всѣ средства, отъ него зависѣвшія. Обѣ вдовствующія Брауншвейгскія Герцогини, одна бабка Императрицы-Королевы и Принца Брауншвейгскаго, а другая мать его и тетка первой, непрерывно писали къ Правительницѣ и супругу ея, стараясь всѣми мѣрами возстановить ихъ противъ Короля Прускаго.

Средства эти были столь дѣйствительны, что едва 1741. лишь Дрезденскій Дворъ сообщилъ С. Петербургскому о предположеніи своемъ, какъ Правительница тотчасъ приняла оное. Графъ Остерманъ, пользовавшійся полною довѣренностію Принца Ульриха, который во время его болѣзни почти ежедневно посѣщалъ его, узналъ отъ него о согласіи Принцессы на предложеніе Саксонскаго Курфирста и, въ угодность родителямъ Императора, не только не осуждалъ принятія предлагаемаго союза, но даже совѣтовалъ скорѣе уполномочить пребывавшаго при Дрезденскомъ Дворѣ Русскаго Посланника къ заключенію договора. Предвидя, что Графъ Минихъ будетъ противнаго съ нимъ по этому предмету мнѣнія, онъ старался заранѣе предупредить противъ него Правительницу.

Однако, она имѣла наединѣ съ Графомъ Минихомъ совѣщаніе о предлагаемомъ союзѣ. Мнѣніе его состояло въ томъ, что хотя, по существующимъ договорамъ, Россія обязана помогать войскамъ Австрійскому Двору, но надлежитъ со вниманіемъ разсмотрѣть: въ состояніи ли она, при предстоящемъ разрывѣ съ Швеціею, раздѣлить силы свои для обороны Имперіи и для военныхъ дѣйствій за предѣлами ея? Если бы эти затрудненія и не существовали,» говорилъ Графъ Минихъ, «то и тогда, мнѣ кажется, можно ли, не подвергаясь упреку въ вѣроломствѣ, вступать въ союзъ, имѣющій цѣлю завоеваніе и раздѣленіе владѣній такого Государя, который не причинилъ ни малѣйшаго оскорбленія Россіи, и съ

1741. «которымъ недавно заключенъ дружественный и оборонительный договоръ? Я солдатъ, и всю жизнь мою проведя съ мечемъ въ рукахъ, хитростей дипломатическихъ не знаю. Впрочемъ, если Вашему Высочеству угодно предпринять войну, то совѣтую начать ее со Швеціею, угрожающею намъ разрывомъ. Всегда лучше предупреждать непріятеля и не давать ему времени вооружиться и приготовиться. Въ семъ случаѣ я поставлю себя за особенную честь начальствовать надъ Вашими войсками, если на сіе послѣдуетъ воля Вашего Высочества.»

Это мнѣніе, будучи противоположно желаніямъ Правительницы и Принца, произвело ожидавшее Графомъ Остерманомъ дѣйствіе. Основательныя сужденія Миниха названы были пристрастіемъ. Хитрый Остерманъ, съ неудовольствіемъ взиравшій на вновь полученное имъ званіе Главнаго Министра, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы повредить ему.

Графъ Минихъ явнымъ образомъ говорилъ о ненадобности оказывать помощь Австрійскому Двору. Однажды Маркизь де Ботта, въ разговорѣ по этому предмету съ нимъ, представлялъ о трудномъ положеніи Маріи Терезіи, и какъ необходимо ей пособіе Россійскаго Двора. Графъ Минихъ отвѣчалъ: «Не возможно, чтобы Императрица-Королева находилась въ положеніи болѣе непріятномъ, какъ то, въ которомъ была Россія, когда Австрія заключила миръ съ Турціею.» Маркизь пересказалъ Правительницѣ о рѣшительномъ мнѣ-

ніи Графа Миниха и передалъ этотъ разговоръ 1741. такимъ образомъ, чтобы возстановить ее противъ Миниха, у котораго, послѣ происходившаго между нимъ и Правительницею совѣщанія, не спрашивали болѣе мнѣнія, и приступили къ заключенію союза безъ его содѣйствія. Между-гѣмъ изготовлено было предписаніе Русскому Посланнику въ Дрезденъ, чтобы онъ старался скорѣе привести къ окончанію начатое дѣло; и такъ какъ Минихъ подписывалъ всѣ исходящія изъ Кабинета бумаги, то Графъ Остерманъ прислалъ къ нему на этотъ предметъ и вышепомянутое предписаніе, извѣстивъ его притомъ, что оно составлено было по точной волѣ Правительницы. Фельдмаршалъ, оскорбленный такимъ предложеніемъ, немедленно поѣхалъ къ ней съ жалобою, что его принуждаютъ подписывать дѣло, противъ котораго онъ представилъ уже основательныя возраженія. Правительница съ холодностію отвѣчала ему: *Удивляюсь, что вы «одни противоречите въ такомъ дѣлѣ, къ которому я приступила по единогласному совѣту «Графа Остермана и всѣхъ прочихъ Министровъ.»* На это Фельдмаршалъ возразилъ: *«Дабы впредь не «подать Вашему Высочеству ни малѣйшаго повода «къ неудовольствію за несогласіе мое съ мнѣніемъ «другихъ, — осмѣливаюсь просить увольненія отъ «службы.»* И, почтительно поклонясь Великой Княгинѣ, вышелъ изъ комнаты. По возвращеніи домой, онъ тотчасъ послалъ въ Кабинетъ письменное объясненіе причинъ, побудившихъ его не

1741. подписать бумагъ, изготовленныхъ для Россійскаго въ Дрезденѣ Посланника.

Враги Миниха, главою которыхъ былъ Остерманъ, опасаясь, чтобы твердость Фельдмаршала не поколебала мнѣнія Правительницы, старалась всякими наветами и просками вооружить ее противъ него. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ присоединилось еще одно, обратившееся ко вреду же Графа Миниха. Биронъ, при допросахъ своихъ, объявилъ, что онъ никогда бы не принялъ на себя Регентства, если бы о томъ не просилъ его Графъ Минихъ, который готовъ былъ броситься для этого къ ногамъ его; что, наконецъ, онъ совѣтуетъ Великой Княгинѣ остерегаться его, какъ опаснѣйшаго человѣка въ ея Государствѣ, и если Ея Высочество откажетъ ему когда-нибудь въ малѣйшей просьбѣ, то послѣ этого не можетъ считать себя въ безопасности.

Всѣ эти причины способствовали къ тому, что увольненіе Фельдмаршала Графа Миниха, въ слѣдствіе просьбы его, послѣдовало 7 Марта. Видя, что никто не имѣетъ духа объявить ему объ этомъ, Великая Княгиня поручила это сыну его и Оберъ-Гофмаршалу Графу Левенвольду, приказавъ въ то же время сказать ему, что хотя она совершенно увѣрена въ усердіи его къ пользамъ Имперіи, но находить себя вынужденною, для отвращенія гибельныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ несогласія въ Министерствѣ, снизить на его прошеніе; что она во всю жизнь не забудетъ заслугъ его и не замедлитъ явить на опытѣ

доказательство своего къ нему уваженія и благо-^{1741.}воленія. Графъ Минихъ просилъ донести Великой Княгинѣ, что онъ считаетъ священною обязанностию исполнить велю ея и, отказываясь отъ всѣхъ должностей, на него возложенныхъ, принимаетъ, съ чувствами глубочайшаго благоговѣннiя, обнадеживанiе въ продолженiи ея милостиваго расположенiя; но присемъ просить объ одномъ только: позволить ему предстать предъ Ея Высочество, для принесенiя изустно своей благодарности. На другой день Фельдмаршалъ былъ допущенъ къ Великой Княгинѣ, которая объявила о пожалованiи ему 15 тыс. рублей ежегоднаго пенсiона, предоставляя ему жить, гдѣ угодно. Нѣкоторые изъ враговъ Миниха старались, чтобъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь, и, можетъ статься, это желанiе ихъ исполнилось бы, если бы дѣвица Менгденъ, любимица Великой Княгини, не просила за него. Объявленiе, сдѣланное о немъ Бирономъ, при допросѣ послѣдняго, поселило большое подозрѣнiе въ Великой Княгинѣ, которая, опасаясь Миниха, приказала удвоить Дворцовый караулъ и тайнымъ лазутчикамъ бдительно за нимъ надсматривать.

Она, равно какъ и супругъ ея, уже не спали въ своихъ обыкновенныхъ комнатахъ, но мѣняли всякую ночь свою спальню до тѣхъ поръ, пока Графъ Минихъ переѣхалъ въ свой домъ по ту сторону Невы, ибо они боялись ежеминутно, чтобы онъ не предпринялъ чего противъ нихъ.

Биронъ все еще находился въ Шлесельбургѣ, потому что слѣдствiе, производимое надъ нимъ

1741. **особо-назначенною Коммисією, еще не было окончено. По низверженіи свосехъ впалъ онъ въ величайшее уныніе; рассказывалъ или казался только рассказывающимся въ своихъ злодѣяніяхъ; читалъ духовныя книги, особенно же Библию съ большимъ прилежаніемъ, отмѣчая въ ней мѣста, близкія содержаніемъ своимъ къ его положенію; оказалъ готовность отвѣчать съ откровенностію на дѣланные ему допросы; но замѣтно было, что удерживался въ подробномъ призваніи, когда дѣло шло о перепискѣ его съ иностранными Державами. Изъ Шлессельбурга написалъ онъ слѣдующее письмо къ Великой Княгинѣ: «Въ горестномъ положеніи, въ которое я самъ себя ввергнулъ, «безпрестанно помышляю о поступкахъ моихъ съ «кончины Императрицы. Я не понимаю, какимъ «образомъ могъ я имѣть несчастіе навлечь на себя «неудовольствіе Вашего Императорскаго Высочества, ибо я всегда помнилъ о томъ уваженіи, «которое обязанъ имѣть къ Вамъ и Супругу Вашему. Если же я въ чемъ проступился, то прошу «Ваше Императорское Высочество быть увѣренною, что это сдѣлано по недоразумѣнію и потому, «что трудное управленіе Государствомъ совершенно занимало мои мысли. Я пишу это всепокорнѣйшее письмо не съ тѣмъ, чтобы просить пощипованія. Непостоянство человѣческаго величія испыталъ я съ такою суровостію, что все, лично «до меня касающееся, уже меня не трогаетъ. Я «готовъ принять наказаніе, которое мнѣ предложатъ; объ одной милости прошу только, чтобы**

«Вы бросили взоръ состраданія на мое несчастное 1741.
 «семейство; тѣмъ болѣе, что оно не имѣло участія
 «въ моихъ проступкахъ. Если мнѣ будетъ это
 «оказано, то единственнымъ занятіемъ моимъ бу-
 «детъ молитва къ Богу о прошеніи грѣховъ моихъ
 «и о сохраненіи въ здравіи священной особы Его
 «Императорскаго Величества и также Вашего
 «Императорскаго Высочества и Супруга Вашего.»

Письмо это произвело свое дѣйствіе. Великая
 Княгиня смягчила заточеніе Бирона и позволила
 ему имѣть приличную прислугу; однако онъ впалъ
 въ глубокую меланхолію, которую сначала при-
 няли за средство для избѣжанія допросовъ; поче-
 му Правительница приказала объявить ему, что если
 онъ не вполне признается въ перепискѣ своей съ
 иностранными Державами, то съ нимъ поступлено
 будетъ съ величайшею строгостію. Однако же
 оказалось, что дѣйствительно допросовъ нельзя
 было продолжать, потому что мысли его были въ
 чрезвычайномъ разстройствѣ; даже Медики объя-
 вили, что выздоровленіе его весьма сомнительно,
 и, по ходу болѣзни, предвѣщали ему близкую
 кончину; почему Коммисія поспѣшила окончить
 надъ нимъ слѣдствіе. Она приговорила его къ
 смерти, за разные Государственные преступленія;
 но Великая Княгиня даровала ему жизнь, лишивъ
 его имущества, чиновъ и знаковъ отличія, и при-
 казала сослать съ семействомъ въ вѣчное заточе-
 ніе. Въ Іюнь мѣсяцѣ былъ онъ отвезенъ въ городъ
 Целымъ, Тобольской губерніи. Тамъ для него
 былъ выстроенъ домъ по плану, котораго первый

1741. очеркъ былъ сдѣланъ Фельдмаршаломъ Минихомъ. Составляя его, думалъ ли Минихъ, что приготовляетъ себѣ въ немъ жилище на 20 лѣтъ! Правительница позволила Бирону взять до 15 человекъ для прислуги и двухъ пасторовъ; сверхъ-того значительное количество мебели и другихъ вещей, также и превосходную его библиотечку. Богатое помѣстье Вартебергское, въ Силезіи, принадлежавшее Бирону, перешло во владѣніе Графа Миниха. Курляндское Рыцарство отправило депутацію въ Петербургъ, для исходатайствованія свободы ихъ Герцогу; но старанія сіи, употребленныя, можетъ быть, изъ одного приличія, остались безуспѣшны. Два брата Бирона и зять его Бисмаркъ были отправлены прежде его въ разныя мѣста Сибири.

Въ Курляндію дали знать, что Биронъ, по произведенному надъ нимъ сдѣдствію, оказался виновнымъ въ оскорбленіи Величества, и потому, со всѣмъ семействомъ своимъ, сосланъ навсегда въ Сибирь. Въ то же время Петербургскимъ Дворомъ взяты подъ секвестръ многія помѣстья въ Курляндіи, прибрѣтенныя Бирономъ на Русскія деньги.

Предложенія Фельдмаршала Миниха, на счетъ союза съ Австріею, сбылись. Хотя Русскія войска и получили приказаніе изготавиться къ походу, но Графъ Остерманъ, искренно и постоянно доброжелательствовавшій Пруссіи, не переставалъ увѣрять Барона Мердефельда въ истинномъ своемъ расположеніи къ пользамъ Прусскаго Короля, и

просилъ, чтобы Фридрихъ не беспокоился о дви-1741. женияхъ Русскихъ войскъ. Несогласіе, возникшее между Дворами Вѣнскимъ и Саксонскимъ, разрушило союзъ, между ними существовавшій, и понудило Августа вступить въ сношеніе съ Французскимъ Кабинетомъ. Когда Маркизь де Ботта настаивалъ о поспѣшнѣйшемъ отправленіи войскъ на помощь Императрицѣ-Королевѣ, то получалъ въ отвѣтъ, что Россія не преминетъ выполнить всѣ свои обязательства въ отношеніи къ Австріи, коль скоро прекратятся опасенія со стороны Швеціи.

ГЛАВА XIV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРАВЛЕНІЯ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ.

ТУРЕЦКОЕ ПОСОЛЬСТВО. ПЕРСИДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО. ВОЙНА СЪ ШВЕ-
ЦІЕЮ. СВОЙСТВА И ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ. ЕЯ ПАДЕНІЕ.

1741. Ожидаемое Турецкое Посольство съ поздравленіемъ о заключенномъ, въ 1739 году, мирѣ, имѣло торжественный вѣздъ въ Петербургъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Согласіе съ Портою Оттоманскою еще болѣе утвердилось дополнительнымъ къ помянутому миру условіемъ, заключеннымъ въ Константинополѣ Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ, по которому Порты, между прочимъ, признала Россію Имперіею.

Вскорѣ за Турецкимъ Посольствомъ прибыло и Персидское, необыкновенное по многочисленности лицъ, его составлявшихъ. Тамасъ-Кули Ханъ отправилъ, еще въ началѣ 1740 года, Посла съ 16 т. человекъ и 20-ю пушками, для возвѣщенія Русскому Двору о покореніи Могола. Такого рода Посольство требовало принятія мѣръ предосторожности со стороны Россіи, и съ этою цѣлію придвинуты были войска къ границѣ Персидской.

По прибытіи къ оной Посольства, начальствовав- 1741. шій Россійскими въ семъ краю войсками Генералъ-Маіоръ Апраксинъ извѣстилъ Посла, что на пути его отъ Астрахани будутъ ему предстоять пространныя степи, и во время такихъ переходовъ невозможно продовольствовать столь большое число людей провіантомъ и фуражемъ; почему просили его взять съ собою только 3 т. человекъ. Посолъ отправилъ гонца къ Шаху, дабы испросить его приказаній по этому предмету; Шахъ предоставилъ ему условиться объ этомъ съ Русскими чиновниками; въ слѣдствіе чего и рѣшено было взять ему съ собою только 3 т. человекъ, 14 слоновъ и 30 верблюдовъ. Въ Петербургъ Посолъ вѣзжалъ верхомъ съ большимъ великолѣпіемъ; во время аудіенціи говорилъ онъ рѣчь Великой Княгини, въ которой, между прочимъ, упомянулъ, что Государь его желаетъ раздѣлить пріобрѣтенныя имъ драгоценности въ Моголъ съ такимъ добрымъ союзникомъ, каковъ Россійскій Императоръ; и при этомъ случаѣ вручилъ Великой Княгини богатые подарки, наиболѣе изъ драгоценныхъ камней состоявшіе. Но истинная цѣль этого Посольства состояла въ томъ, чтобы склонить Россійскій Дворъ къ оказанію помощи Шаху для нападенія на Турковъ и изгнанія ихъ изъ всѣхъ областей, отторгнутыхъ Портою у Персидской Монархіи.

Швеція, желая возвратить себѣ утраченныя ею провинціи, постоянно сохраняла непріязненное расположеніе къ Россіи, и сверхъ-того по-

1741. буждаема была Французскимъ Дворомъ къ нача-
тню войны съ Россією, которую думали этимъ
средствомъ отвлечь отъ участія и помощи въ дѣ-
лахъ Австрійскаго Дома. Франція для этого вся-
чески старалась поддерживать Швецію, и даже
снабжала ее значительными суммами. Графъ Бес-
тужевъ, Русскій Посланникъ въ Стокгольмѣ, со-
общалъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія о всемъ, происхо-
дившемъ на Сеймѣ, и по нимъ видно было, что
война съ Швецію неизбѣжна. Шведскій Ми-
нистръ Нолкенъ выѣхалъ изъ Петербурга въ
Іюль мѣсяцъ, подъ предлогомъ домашнихъ сво-
ихъ дѣлъ. Россія, съ своей стороны, дѣлала при-
готовленія. Фельдмаршалъ Ласен и Генералъ
Кейтъ были призваны въ Петербургъ, гдѣ, по
рѣшенію Военнаго Совѣта, опредѣлено составить
нѣсколько корпусовъ. Главнѣйшій изъ нихъ дол-
женствовалъ, при объявленіи войны съ Швецію,
начать наступательныя дѣйствія въ Финляндіи;
прочіе, менѣе сильныя, были назначены къ обо-
ронѣ береговъ, въ случаѣ, если бы непріятель
покусился сдѣлать гдѣ-либо высадку. Для осмот-
ра этихъ войскъ, Генералиссимусъ Принцъ Ан-
тонъ Ульрихъ, въ сопровожденіи своего брата
Принца Людовика и Фельдмаршала Ласси, при-
былъ въ лагерь; но онъ скоро возвратился въ
Петербургъ, по случаю разрѣшенія Правительни-
цы отъ бремени Великою Княжною Екатериною
Антоновною

Со стороны Швеціи, не смотря на давнишнюю
непріязнь ея, не было сдѣлано никакихъ приго-

товленій къ борбѣ съ непріателемъ столь могу- 1741.
 щественнымъ, какова Россія. Вмѣсто того, что-
 бы объявить войну тогда, когда Россія занята
 была военными дѣйствіями противъ Турціи, Шве-
 ція дала время своей противницѣ заключить миръ
 съ Портою. Стокгольмскій Дворъ, худо извѣ-
 щенный, былъ увѣренъ, что Русская армія на-
 ходится въ совершенномъ разстройствѣ послѣ
 Турецкой войны, и вся почти составлена изъ не-
 опытныхъ рекрутъ. Въ этомъ-то заблужденіи
 объявилъ онъ войну; 3 Іюля, 1741, и главнѣй-
 шимъ поводомъ къ оной представилъ слѣдующія
 причины; умерщвленіе Сенклера; запрещеніе вы-
 воза изъ Финляндіи хлѣба; отстраненіе Цесарев-
 ны Елисаветы Петровны и Голстинскаго Принца
 отъ Россійскаго Престола. Шведскій Сенатъ ста-
 рался принять всѣ мѣры, чтобы это объявленіе
 войны дошло въ Петербургъ какъ можно позже,
 дабы выиграть еще нѣкоторое время для необ-
 ходимыхъ приготовленій въ арміи; почему запре-
 щено было на почтахъ пропускать всякую эста-
 фету и курьера, и въ то же время разослано
 было приказаніе, изъ всѣхъ Шведскихъ портовъ
 не выпускать никакого судна; однако же одинъ
 Курляндскій корабль успѣлъ уйти изъ Сандъ-
 Гама, и привезъ это извѣстіе въ Либаву, откуда
 оно сообщено въ Петербургъ, чрезъ двѣ недѣли
 послѣ объявленія войны. Вслѣдъ за этимъ извѣ-
 стіемъ Генералъ Кейтъ, начальствовавшій Россій-
 скими войсками въ Финляндіи, получилъ прика-
 заніе приблизиться къ границамъ, а 20 Августа,

1744. Фельдмаршалъ Ласси прибылъ къ арміи и принялъ главное начальство надъ нею.

Шведы, начавъ войну, не только не были въ состояніи вести ее наступательно, но даже едва могли дѣйствовать оборонительно. Черезъ лазутчиковъ Фельдмаршалъ узналъ, что у непріятеля было, въ близкомъ разстояніи отъ Вильманстранда, два корпуса войскъ, каждый изъ четырехъ тысячъ человекъ; что остальные войска находились еще въ пути, и что самъ Главнокомандующій Шведскою арміею, Графъ Левенгауптъ, не могъ скоро прибыть къ ней. Фельдмаршалъ хотѣлъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы овладѣть Вильманстрандомъ, укрѣпленнымъ городкомъ, въ которомъ находилось до шести сотъ человекъ гарнизона. На помощь этому городу подступилъ одинъ изъ упомянутыхъ непріятельскихъ корпусовъ, подъ командою Генералъ-Маіора Врангеля. 22 Августа, Русскіе съ быстротою напали на этотъ корпусъ, разбили его и взяли Вильманстрандъ приступомъ, причемъ самъ Врангель, многіе Штабъ и Оберъ-Офицеры и 1200 человекъ нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Побѣдителямъ достались 12 пушекъ, мортира и даже казна, въ которой однако не было и 6000 ефимковъ; потеря Русскихъ была въ-половину менѣе непріятельской. Въ этомъ дѣлѣ Россійская армія состояла изъ 10,000 человекъ; Шведовъ же было не-съ-большимъ пять тысячъ, изъ которыхъ болѣе 3000 убито.

Послѣ этого успѣшнаго дѣла, Русская армія

расположилась на зимнихъ квартирахъ, дабы съ 1741. весною возобновить военныя дѣйствія. Въ Петербургѣ происходили большія празднества по случаю этой побѣды. Дворъ предавался веселію, и Правительница, въ безпечности, не помышляла о будущей своей судьбѣ и объ утвержденіи своей власти; она не видѣла, что ей угрожаетъ величайшее несчастье. Паденіе ея готовилось... Но прежде, нежели приступимъ къ описанію его, мы изобразимъ характеръ Великой Княгини и супруга ея, и положеніе, въ какомъ находился тогда Дворъ.

Одаренная умомъ основательнымъ и сердцемъ чрезвычайно добрымъ, Правительница была очень откровенна, и съ негодованіемъ взидала на притворство, качество весьма обыкновенное въ придворныхъ. Окружавшіе покойную Императрицу и приученные къ раболѣпной лести несправедливо называли Правительницу надменною и необходимою: имѣя душу возвышенную, она презирала льстецовъ. Заслуги награждала щедро, благотворила всѣмъ, и никому въ жизнь свою не сдѣлала зла. Съ служителями своими обращалась чрезвычайно милостиво, за то любовь и преданность ихъ къ Ней не имѣли границъ. Наружность имѣла пріятную и даже привлекательную, хотя черты лица ея не были правильны. Ростомъ была выше обыкновеннаго и очень статна; темнокаштановые волосы возвышали бѣлизну лица ея. Принужденная жизнь, которую она вела при теткѣ своей, и бдительный надзоръ за всѣми ея

1741. поступками, содѣлали ея задумчивою и поселили въ ней такую склонность къ уединенію, что, вступивъ въ управленіе Государствомъ, она считала себѣ за тягость принимать представлявшихся къ ней особъ и находится въ большихъ собраніяхъ. Предпочитая имъ малочисленное, избранное общество, она въ семь кругу бывала весела и пріятна въ обхожденіи; уважая достойныхъ иностранцевъ, приглашала нѣкоторыхъ изъ нихъ въ домашнія собранія свои, чѣмъ особенно пользовались Посланники, Австрійскій Маркизь де Ботта и Англійскій Финкъ. По-Русски, по-Нѣмецки и по-Французски говорила хорошо. Пріятнѣйшимъ занятіемъ ея было чтеніе, въ особенности драматическихъ твореній. Однажды, во время чтенія, какъ будто предчувствуя будущую судьбу свою, (*) она сказала, что вниманіе ея наиболѣе привлекаютъ тѣ творенія, въ которыхъ описываются несчастныя Государыни, переносящія, съ благородною гордостію и величіемъ духа, бѣдствія и страданія.

(*) Нѣкоторые изъ современниковъ ея пишутъ, что у ней однажды вырвались слова, обнаружившія предчувствіе будущей ея судьбы. Посѣтивъ однимъ утромъ Цесаревну, она возвратилась отъ нея въ большой задумчивости, потому что, прощаясь съ нею, споткнулась и упала. Бывъ подвержена предрассудкамъ, въ то время столь обыкновеннымъ, Она сочла этотъ случай предвѣстникомъ ея несчастій, и сказала своимъ приближеннымъ: «Боюсь, что придетъ время, когда я буду у ногъ саветы!»

Великая Княгиня не сѣчала заниматься Госу-1741. дарственными дѣлами, и при избраніи людей къ должностямъ, обращала болѣе вниманія на честность и праводушіе, нежели на дарованія. Всѣ намѣренія ея клонились къ пользѣ и счастью подданныхъ ея; для доставленія имъ удобства представлять ей о нуждахъ своихъ, она назначила одинъ день въ недѣлю, въ который всякой могъ во Дворцѣ подать прошеніе опредѣленному для этого чиновнику. Просьбы сіи сама съ удовольствіемъ разсматривала и справедливыя удовлетворяла безъ отлагательства.

Пользуясь неопѣненнымъ для Государей благомъ, любовію своихъ подданныхъ, Правительница, въ частной жизни своей, лишена была супружескаго счастья. Сочетавшись бракомъ противъ воли своей, имѣя нравъ и склонности совершенно противоположныя супругу своему, она не чувствовала къ нему ни малѣйшей сердечной привязанности. Частыя неудовольствія и размолвки лишили ихъ взаимной другъ къ другу довѣренности. Правительница имѣла большую привязанность къ Саксонскому Министру, Графу Линару. Этотъ иностранецъ былъ причиною, что она потеряла довѣріе къ Графу Остерману, котораго опытность въ дѣлахъ и проницательный умъ могли быть для нея весьма полезны. Графъ Линаръ, поссорясь съ нимъ, очернилъ его предъ Правительницею, представивъ челоуѣкомъ коварнымъ, опаснымъ и ей недоброжелательствующимъ. Онъ успѣлъ даже возбудить въ ней подозрѣніе противъ супруга ея, котораго

1741. онъ представлялъ дѣйствующимъ по внушенію Графа Остермана. Правительница слѣпо всему вѣрила, и не хотѣла болѣе принимать совѣтовъ ни отъ Остермана, ни отъ своего супруга. Изъ дамъ особенною милостію ея пользовалась Баронесса Юлія Менгенъ: кроткая и добросердечная, она была всею душою предана Правительницѣ, которая искренно любила ее, помѣстила во Дворцѣ близъ комнатъ своихъ, и почти ежедневно проводила у ней вечера съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ своихъ. Не смотря однако же на это, Баронесса Менгенъ, по природной безпечности своей, вовсе не вмѣшивалась въ дѣла Государственныя; напрасно нѣкоторые современники (*) ея утверждаютъ, что она управляла всѣми дѣйствіями и располагала образомъ жизни Правительницы; упорный нравъ послѣдней и собственное мнѣніе, которому любила она слѣдовать, никакъ бы не допустили этого; напротивъ, Баронесса Менгенъ никогда ни въ чемъ ей не противилась и не противорѣчила.

Приверженцы Великой Княгини желали, чтобы она утвердила наслѣдіе Престола въ своемъ потомствѣ; съ этою цѣлію Графъ Головкинъ предложилъ ей сдѣлать постановленіе, чтобы, въ случаѣ престѣченія мужескаго колѣна между дѣтьми ея, наслѣдіе Россійскаго Престола перешло къ

(*) Машштейнъ и проч.

колѣну женскому. Не довольствуясь этимъ, онъ, 1741. чрезъ нѣсколько дней потомъ, предложилъ Правительницѣ вступить на Престолъ, и царствовать совокупно съ сыномъ своимъ, дабы этою мѣрою отвратить всѣ ковы злонамѣренныхъ людей. Но предложеніе это также осталось непринятымъ, ибо царствованіе двухъ лицъ угрожало гибельными послѣдствіями, особенно въ народѣ, издревле пріобыкшемъ къ повиновенію единой Верховной власти.

Правительница какъ будто забыла о правахъ на Россійскій Престолъ Цесаревны Елисаветы Петровны, которая, будучи дочерью Петра Великаго, имѣла неоспоримое право царствовать еще по смерти Петра II. Вѣроятно, беззаботливость Цесаревны не мало также успокоивала Правительницу. Отъ природы безпечная и склонная къ разсѣянной жизни, Елисавета Петровна находилась какъ бы въ усыпленіи; она не хотѣла обременять себя трудомъ Государственнаго управленія, и не помышляла бы о Престолѣ, если бы не была къ тому побуждаема неотступными просьбами ея приверженцевъ.

По кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны, Цесаревна была съ Правительницею въ совершенномъ согласіи; но оно скоро нарушилось. Неблагодарные люди возбуждали ихъ другъ противъ друга, такъ, что Елисавета Петровна, оставивъ прожнее дружелюбное и простое обхожденіе свое, сдѣлалась осторожнѣе и ходила къ Правительницѣ только по необходимости, въ торжественные дни.

1741. Тутъ же вышались происки Французскаго Посланника въ Петербургѣ, Маркиза де ла Шетарди, который, слѣдуя приказанію своего Двора — распространить раздоры въ Россіи, дабы тѣмъ отвлечь ее отъ участія въ дѣлахъ Австрійскаго Дома, подалъ мысль Елисаветѣ Петровнѣ вступить на Престолъ, ободрялъ ее въ этомъ предпріятіи, приводилъ въ примѣръ отважный поступокъ Миниха и снабжалъ ее даже небольшими суммами денегъ. Домашній врачъ ея, Лестокъ, съ своей стороны, неотступно убѣждалъ ее къ восшествію на Престолъ и, имѣя частыя свиданія съ Французскимъ Посланникомъ, руководствовался въ этомъ случаѣ его совѣтами. Старался совершить эту переимѣну, Маркизь де ла Шетарди вмѣстѣ думалъ ослабить Россію, исторгнувъ отъ Цесаревны письменное обязательство возвратить Швеніи всѣ области, Петромъ Великимъ завоеванныя. Цесаревна не согласилась на это, отъзывалась, что крайне опасно повѣрять бумагѣ столь важнымъ тайны, и настояла, чтобы во всеиъ полагались на ея слово. Послѣдствія показали, какъ хитрый Французъ и Шведы обманулись въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ Елисаветы Петровны, достойной дочери Петра Великаго.

Приступая къ столь важному Государственному перевороту, она первоначально склонилась на свою сторону 12 гренадеровъ Преображенскаго полка. Главный изъ нихъ, Грюнштейнъ, былъ прежде купцомъ; лихась въ торговлѣ всего имущества, онъ записался въ солдаты. Онъ уговорилъ дру-

гихъ принять сторону Цесаревны, и почувствовали 1741. тельнымъ образомъ число ихъ увеличилось до 30 человекъ. Неосторожность, съ какою дѣйствовала большая часть приверженцевъ Цесаревны, въ особенности болтливость Лестока, заставляетъ удивляться, какимъ образомъ могли они имѣть успѣхъ въ своемъ предпріятіи; для этого нужны были уверенная безвѣчность и даже ослабленіе Правительницы. Внутренній Лестокъ часто публично, въ присутствіи многихъ восторженныхъ людей, говорилъ, что въ скоромъ времени наступятъ большія перемѣны въ Петербургѣ. Стараясь приобрести любовь народа и войскъ, Цесаревна часто, вмѣсто прогулки, ѣздила въ Гвардейскіе полки; солдаты становились сзади ея сапей и разговаривали съ нею; ежедневно собиравшись во Дворецъ, и не проходило почти дня, чтобы она у нихъ не крестила и не награждала кого-нибудь. Они ее не иначе называли, какъ «*Матушка наша.*»

Правительница, отстранивъ отъ себя Миниха и Остермана, лишилась въ нихъ лучшихъ своихъ руководителей. Послѣдній, имѣя повсюду лазутчиковъ, былъ извѣщенъ о намѣреніяхъ приверженцевъ Цесаревны. Не смотря на свое болѣзненное состояніе и на холодность, которую показывала ему Правительница, онъ приказалъ принести себя на носилкахъ къ ней; извѣдомилъ ее о всѣхъ сношеніяхъ Маркиза де-ла-Шетарди съ Лестокомъ, и старался изобразить ей всю опасность, ей угрожающую. Но тщетны были усилія

1741. Остермана. Ослѣпленная Правительница выслушала его безъ вниманія и, вмѣсто отвѣта, показала ему новое платье, которое было сдѣлано, по ея приказанію, для Императора. Другое обстоятельство доказываетъ то же ея безпечность. Однажды Графъ Левенвольдъ, за ужиномъ, получилъ весьма подробное увѣдомленіе о дѣйствіяхъ приверженцевъ Елисаветы Петровны, что возбудило въ немъ живѣйшее опасеніе. Извѣстія эти онъ тотчасъ написалъ и поспѣшилъ понести свою записку во Дворецъ. Правительница уже почивала. Графъ Левенвольдъ попросилъ одну изъ ея Камеръ-Юнгферъ, чтобы ее разбудили и вручили ей тотчасъ его записку, столь важную по своему содержанію. Камеръ-Юнгфера исполнила волю Графа Левенвольда, и поднесла къ постели Правительницы свѣчу, убѣждая ее прочесть записку. Каково было удивленіе Графа Левенвольда, когда Камеръ-Юнгфера пришла спросить у него, отъ имени Правительницы, не сошелъ ли онъ съ ума? Пораженный такимъ ослѣпленіемъ, онъ съ отчаяніемъ возвратился домой, видя, что усердіе и преданность его не могутъ охрачить Правительницу отъ гибели, въ которую она ввергнетъ себя и ревностнѣйшихъ своихъ приверженцевъ. На другой день онъ старался ей изобразить, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, опасность, ей угрожавшую, но не могъ въ ней возбудить ни малѣйшаго безпокойства!

Наконецъ получила она письмо изъ Бреслава, въ которомъ самымъ подробнымъ образомъ, и съ

вѣрными доказательствами увѣдомляли ее о на- 1741.
мѣреніяхъ Цесаревны и проискахъ Лестока, ко-
торого совѣтывали ей арестовать и предать пыт-
кѣ. Въмѣсто того, чтобы принять тотчасъ рѣши-
тельныя мѣры, какихъ требовало столь важное
обстоятельство, Правительница три дня умолчала
объ этомъ письмѣ; послѣ-чего имѣла безразсуд-
ность съ полною откровенностію вѣрить всѣ
свои опасенія тайной своей противницѣ. Полагая,
что кротостію и ласками она заставитъ Цесаре-
ву отстать отъ своего намѣренія взойти на Прес-
толь, если оно въ ней таится, Правительница, во
время бывшаго при дворѣ сѣзда, 23 Ноября,
вышла изъ общей залы въ свои комнаты, и при-
казала Баронессѣ Маріи Аврорѣ Менгденъ (вы-
шедшую потомъ замужъ за Лестока) позвать
къ ней Цесаревну Елисавету Пётровну, играв-
шую тогда въ карты, которая оставила тотчасъ игру
и возбудила тѣмъ общее вниманіе. Правительница
сказала ей, что имѣетъ многія свѣдѣнія о ея по-
ступкахъ; что ей извѣстны частыя совѣщанія ея
врача съ Посланикомъ Французскимъ, которыхъ
цѣль есть опасный заговоръ противъ ея фамиліи;
Правительница прочла ей даже письмо, получен-
ное ею изъ Бреслава, и присовокупила, что до-
сихъ-поръ она не хотѣла вѣрить этимъ доносамъ;
но если получатъ дальнѣйшія увѣдомленія, то
вынуждена будетъ арестовать Лестока, дабы уз-
нать отъ него истину. Цесаревна не пришла въ
замѣшательство отъ этого разговора; напротивъ,
увѣряла Правительницу, что и не думала пред-

1741. принимать что либо против нея или против Императора; что она не может нарушить učinенной ею присяги; что въ деносахъ этихъ она видитъ желаніе враговъ своихъ погубить ее; что Лестокъ никогда не бывалъ въ домѣ Французскаго Посланника (это была совершенная правда, потому что свиданія ихъ происходили въ другихъ мѣстахъ); что если Ея Высочество прикажетъ арестовать Лестока, то тогда скорѣе удостовѣрится въ ея невинности. Цесаревна при этомъ заплакала, и такъ искусно умѣла скрыть свои намѣренія, что Правительница сама тронулась до слезъ и увѣрилась, что все, сказанное ей на счетъ Цесаревны, было несправедливо. Въ тотъ же самый день Маркизь де Ботта говорилъ Великой Книгинѣ: *«Ваше Императорское Высочество отказали въ вспоможеніи моей Государынѣ, не смотря на взаимный союзъ обѣихъ Державъ; но оставя это, я не теряю надежды, что, съ помощію Божіею и прочихъ нашихъ союзниковъ, мы одолземъ врага. По-крайней-мѣрѣ, думайте о сохраненіи собственной вашей безопасности: вы она краю гибели; ради Бога! спасите себя, спасите Императора, спасите вашего Супруга.»* Но всѣ эти увѣщанія были бесполезны; Правительница не считала себя ни въ малѣйшей опасности. Супругъ ея гонимъ ей на канунѣ ихъ сверженія, что онъ имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Цесаревны, и потому намѣренъ приказатъ арестовать Лестока и разставить пикеты по улицамъ; Правительница не согласилась на это, ска-

завъ, что она отвѣчаетъ за невинность Цесаревны; доказательства же свои основывала на томъ, что, во время ихъ объясненія, Цесаревна ни мало не измѣнилась въ лицѣ, и даже заплакала, когда Правительница начала ей говорить о ея сношеніяхъ съ Французскимъ Посланникомъ. 1741.

Елисавета Петровна намѣревалась сначала приступить къ исполненію своего предпріятія 6 Января, въ день Крещенія. По обыкновенію, въ этотъ день всѣ полки, находящіеся въ Петербургѣ, бывають выстроены для парада на льду Невы, и потому она хотѣла явиться предъ Преображенскимъ полкомъ и объявить ему о своемъ намѣреніи, надѣясь, что къ находившимся уже въ немъ приверженцамъ ея пристанутъ и остальные солдаты. Склонивъ такимъ образомъ одинъ полкъ, она увѣрена была, что и всѣ прочіе признають ее Императрицею. Средство это, весьма неудобно-исполнимое, во всякомъ случаѣ произвело бы ужасное кровопролитіе, и, къ счастью Цесаревны, обстоятельства принудили ее довершить начатое дѣло ранѣе того времени. Она узнала, что Великая Княгиня, наконецъ, хотѣла объявить себя Императрицею; кромѣ того, по внушенію Графа Остермана, который былъ совершенно извѣщенъ о составлявшейся партіи между Гвардейскими солдатами въ пользу Цесаревны, три баталіона Гвардіи назначались къ выступленію въ походъ противъ Шведовъ; а какъ многіе изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ Елисаветы Петровны находились въ этихъ баталіонахъ, то они

1741. и просили ускорить исполненіе ея намѣренія. Болѣе всего, однако же, побудилъ къ этому Цесаревну вышепомянутый разговоръ ея съ Великою Княгинею, о которомъ она въ тотъ же день увѣдомила Лестока. Онъ хотѣлъ-было дѣйствовать въ ту же ночь, для избѣжанія угрожавшей всѣмъ имъ опасности; но соучастники его жили въ разныхъ частяхъ города, и не были совершенно готовы, почему надлежало отложить это до слѣдующей ночи.

На другой день, 24 Ноября, поутру, Лестокъ, по обыкновенію, пришелъ къ Цесаревнѣ, подавъ ей аллегорическую картинку, на которой съ одной стороны она была изображена въ коронѣ, а съ другой въ монашескомъ покрывалѣ, окруженная орудіями пытки и вистѣлицами. «Избирайте, Государыня,» сказалъ онъ ей: быть Императрицею, или страдать въ монастырскомъ заточеніи, и видѣть погибель людей, вамъ преданныхъ!» Убѣдительно просилъ онъ ее не медлить болѣе; Цесаревна наконецъ рѣшилась, и назначила наступающую ночь для исполненія своего предпріятія; о чемъ были увѣдомлены въ то же время чрезъ Лестока всѣ ея приверженцы. Изъ Дворца отправился онъ къ Маркизу де ла Шетарди за деньгами, не открывая ему однако же настоящихъ своихъ намѣреній. Освѣдомясь чрезъ лазутчиковъ, что во Дворцѣ царствовала уже совершенная тишина и караулъ былъ обыкновенный, онъ увѣдомилъ объ этомъ Цесаревну, которая чрезвычайно смутилась, и Лестоку надобно

было употребить всѣ усилія къ ободренію ея; на- 1741.
 конецъ она превозмогла себя, долго молилась предъ
 иконою Богоматери, и надѣвъ на себя, по совѣту
 Лестока, орденъ Св. Екатерины, въ полночь по-
 ѣхала въ Преображенскій полкъ въ савяхъ, сза-
 дв которыхъ стали Воронцовъ и Лестокъ. 30 че-
 ловѣкъ, ей приверженныхъ, уже были посланы
 въ Канцелярію Преображенскаго полка и угово-
 рили до 300 человекъ нижнихъ чиновъ, которые
 тамъ же ее ожидали, но изъ Офицеровъ не было
 никого на ихъ сторонѣ. Прибывъ въ казармы,
 Цесаревна объявила солдатамъ о своемъ намѣре-
 ніи, просила ихъ помощи и заключила обращен-
 ную къ нимъ рѣчь слѣдующими словами: «*Вы*
«знаете, чья я дочь: идите за мною».—«*Готовы,*
«матушка!»» вскричали они. Тотчасъ находившій-
 ся тутъ и спавшій въ то время караульный Офи-
 церъ Гревсъ былъ арестованъ. Солдаты присяг-
 нули ей въ вѣрности и послѣдовали за нею во
 Дворецъ. Не доходя нѣсколько, Лестокъ послалъ
 три отряда, каждый въ 25 человекъ, чтобы аре-
 стовать Фельдмаршала Графа Миниха, Графа Ос-
 термана и Вице-Канцлера Графа Головкина (*).
 Съ остальными двумястами человекъ Цесаревна
 пришла во Дворецъ. Тамъ Лестокъ разставилъ

(*) Всѣ они, какъ и Оберъ-Генералъ Графъ Рейнгольдъ
 Левенвольдъ, по лишеніи чиновъ и орденовъ, 19 Января, 1742
 года, сосланы въ Сибирь, гдѣ и окончили жизнь, кромѣ Графа
 Миниха, возвращеннаго изъ ссылки Императоромъ Петромъ III,
 Марта 24-го, 1762 года.

1741. караульныхъ у всѣхъ выходовъ, чему стоящіе часовые не воспротивились. Потомъ, безъ малѣйшаго затрудненія, достигла она до Дворцовой караульни. Тамъ объявила Офицерамъ о причинахъ, побудившихъ ее къ такому поступку; и немедленно принявъ отъ нихъ присягу въ вѣрности, осталась тутъ съ Воронцовымъ и Лестокомъ. Между-тѣмъ, 30 гренадеръ посланы были на верхъ арестовать семейство Великой Княгини. Солдаты, съ шумомъ войдя въ комнату, гдѣ она почивала съ супругомъ своимъ, приказали ей, именемъ Цесаревны, встать и слѣдовать за ними. Объятая страхомъ Великая Княгиня едва имѣла время прикрыть себя и, выходя, просила позволенія переговорить съ своею теткою; но въ этомъ ей отказали. Принцъ Антонъ Ульрихъ, сидя на постели, и предавшись всему ужасу своего положенія, видѣлъ, какъ увлекали его супругу. Два гренадера взяли его, свели внизъ и посадили въ сани; потомъ солдаты прошли въ комнату юнаго Іоанна, спавшаго безмятежнымъ сномъ младенца. Имѣвъ приказаніе не будить его, они въ молчаніи дожидались около его колыбели: чрезъ часъ онъ пробудился, и заплакалъ при видѣ солдатъ: дрожащая отъ страха кормилица взяла его на руки; тогда уже гренадеры повели ихъ внизъ. Маленькая Княжна Екатерина Антоновна и дѣвица Юлія Менгденъ были также взяты. Всѣ сіи несчастные подъ карауломъ были отвезены во Дворецъ Елисаветы Петровны и размѣщены въ разныхъ комнатахъ. Возвратясь къ

себѣ, около 3-хъ часовъ утра, Елисавета Петровна послала Каммергера Шувалова объявить о счастливомъ окончаніи своего предпріятія Французскому Посланнику. Изумленный де ла Шетарди едва могъ вѣрить этому; но изъявилъ радость, хотя весьма притворную, потому что преждевременное исполненіе этого предпріятія разрушило всѣ его замыслы. Онъ хотѣлъ, чтобы Шведы, приблизясь къ берегамъ Невы, силою оружія споспѣшествовали возведенію на престолъ Елисаветы, и за свое содѣйствіе предписали бы ей законы въ стѣнахъ ея столицы; тогда-то Маркизь мечталъ безпрепятственно и самовластно господствовать при Россійскомъ Дворѣ. Но Провидѣніе отвратило замыслы хитраго Француза и сохранило Россію въ прежнихъ ея предѣлахъ, сильною и могущественною!

Такъ протекло 17 лѣтъ съ кончины Петра Великаго! Россія смѣло подвигалась по стезѣ, проложенной Преобразователемъ ея; но, потрясаемая внутренними перемѣнами, не успѣла еще вполне насладиться всѣми плодами мудрыхъ Его предначертаній. Отрасль Его, прерванная царствованіемъ Анны Іоанновны, возвратилась съ Елисаветою Петровною на Престолъ Россійскій, и съ тѣхъ поръ царствуетъ къ славѣ и благоденствію любезнаго нашего Отечества!

К О Н Е Ц Ъ .

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Г Л А В А XII.

Правленіе Бирона

Стран.

Объявленіе акта о Регенствѣ. Присяга младенцу Императору. Биронъ старается привлечь Сенатъ. Договоръ съ Саксонскимъ Дворомъ. Жестокость. Заговоръ противъ Бирона. Ссора его съ Принцемъ Антономъ Ульрихомъ. Низверженіе Бирона	1
--	---

Г Л А В А XIII.

Правленіе Великой Княгини Анны Леопольдовны.

Присяга Правительницѣ. Милости. Союзъ съ Пруссіею. Союзъ съ Австріею. Увольненіе Фельдмаршала Миника отъ службы. Судъ Бирона. Его письмо къ Правительницѣ	20
---	----

Г Л А В А XIV.

Продолженіе Правленія Великой Княгини Анны Леопольдовны.

Турецкое Посольство. Персидское Посольство. Война съ Швеціею. Свойства и образъ жизни Правительницы. Ея паденіе	38
---	----

